

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
15 (78)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 6

ИНСТИТУТ АТАБЕКОВ

В истории Ближнего Востока период со второй половины XI по первую четверть XIII столетия является одним из наиболее интересных и недостаточно изученных. В эти неполные два века произошли изменения в области политической и социальной, экономической и этнической, языковой, этнографической и военной. Перемены связаны с теми огузскими племенами, которые под предводительством султанов из династии великих Сельджукидов объединились для завоевательного движения из Средней Азии на запад.¹ Победив в 1140 г. у местечка Данданакан, около Мерва, сильное войско Газневидов, сельджуки начали почти беспрепятственно проникать в страны западнее Хорасана. Не менее значительными оказались дальнейшие события, ибо после 1140 г. начался важнейший период в истории сельджуков, связанный по преимуществу с Передней Азией и отчасти с Западной Европой. С другой стороны, страны Ближнего Востока оказались на несколько столетий втянутыми в русло многогранной деятельности и политики новых завоевателей и претерпели определенные изменения.

Находясь на сравнительно низкой ступени общественного развития, сельджуки немало восприняли у подчиненных народов в различных областях жизни. Одновременно шел обратный процесс: завоеватели сумели оказать влияние и внести изменения в различные сферы жизни местного населения. В частности, они возродили на новой почве одно из своих учреждений, которое получило широкое распространение и признание, заняв прочное место в ближневосточной феодальной структуре. Речь идет об институте атабеков, одном из важнейших явлений и главных приобретений феодального строя XI—XII вв., которое оказало большое влияние на социально-политическую жизнь как отдельных государств, так и всего ближневосточного общества.

¹ Завоевания были совершены огузскими племенами под руководством династии великих Сельджукидов. Последние происходили из рода Сельджука, племени кынык. По имени этого родоначальника завоеватели стали известны как сельджуки, термин приобрел собирательный характер и получил благодаря этому большое политическое звучание. Вот почему, когда говорится о сельджуках, сельджукском периоде, завоевании или господстве, надо иметь в виду, что речь идет и в источниках, и в исследованиях о тех огузских племенах, которые в XI—XII вв. принимали активное участие в событиях эпохи.

Термин „атабек“ — тюркского происхождения, впервые засвидетельствован в форме „ата“ или „аты“ в орхонских эпиграфических памятниках первой половины VIII в. В тот период он означал опекуна, воспитателя, титулованного дядьку, политического руководителя орхонских принцев; должность ата занимал знатный тюрк.² Ата был грамотным, владел литературным языком; можно указать на Йоллыг-Тегина, который в первой половине VIII в. являлся ата Кюль-Тегина и Бильге-Каана.³ Судя по известному материалу, можно говорить о том, что в ту эпоху, в отличие от сельджукской, ата был гражданским, а не военным лицом.

После VIII в. термин на несколько столетий исчез из жизни тюркоязычных племен, генетически связанных с авторами орхонских памятников; во всяком случае пока нет сведений, продолжала ли существовать и развиваться категория ата раннефеодального общества тюрков.

Во второй половине XI в. термин вновь становится известен в форме „атабек“. Правда, в то же время и несколько позднее форма „ата“ зафиксирована в ряде памятников письменности, имеющих тесную связь с тюркоязычными. Махмуд Кашгарский приводит термин „эта“ в своем „Словаре тюркского языка“, но лишь в значении отец (родитель).⁴ Такой вывод следует из тех значений, которые он придает ата, а также из примеров фразеологии. Махмуду Кашгарскому известен термин „кангсык ата“, но он не вкладывает в него иного значения, кроме как отчим.⁵ В „Кудатгу Билик“, „Подарке истин“, в сочинении Рабгузи „История пророков“, „эта“ имеет лишь одно значение — отец (родитель).⁶ Таким образом, ко времени сельджуков было утеряно прежнее значение термина „ата“ как социальной категории; возможно, исключением является огузский эпос, в котором говорится об Аруз-кодже как „воспитателе Казан-бека“.⁷

Первое достоверное упоминание о термине „атабек“ в сельджукскую эпоху зафиксировано для второй половины XI в. и связано с именем Низам ал-Мулька, одного из крупнейших государственных деятелей эпохи, который оказал немалое влияние на события 1063—1092 гг., когда являлся везиром великих Сельджукидов Алп-Арслана (1063—1072) и Мелик-шаха (1072—1092): он носил официальное зва-

² Н. Н. Козьмин. Классовое лицо „атысы“ Йоллыг-Тегина, автора орхонских памятников. Сб. „Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932“, Л., 1934, стр. 265, 269; см. также: Cl. Cahen. *Atabeg. Encyclopédie de l'Islam. Nouvelle édition, t. I, Leyde—Paris, 1960.*

³ Н. Н. Козьмин. Классовое лицо „атысы“... , стр. 266.

⁴ Mahmud Kaşgari. *Divanü Lûgat-it-Türk tercümesi. Çeviren: Besim Atalay.* Ankara, 1939—1941. I. Cilt, ss. 32, 136, 262, 288, 445, 508; II. Cilt, ss. 87, 210, 212, 272, 291; III. Cilt, ss. 78, 82, 120, 196, 311.

⁵ Mahmud Kaşgari, II. Cilt, s. 383.

⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследование. М.—Л., 1951, стр. 361.

⁷ Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Перевод академика В. В. Бартольда. М.—Л., 1962, стр. 30.

ние атабека этих султанов.⁸ В некоторых эпиграфических памятниках Сирии 1082/83 г. после имен халифа ал-Муктади (1074—1094), Мелик-шаха и брата последнего — сирийского Сельджукида Тутуша (1078—1095) — содержится надпись: „Везир, шейх ал-аджалл, Низам ал-Мульк, атабек“.⁹ Будучи везиром Алп-Арслана, Низам ал-Мульк не отошел в стороне от процесса формирования наследника престола Мелик-шаха, первого „культурного“ сельджукского султана. Он же скорее всего подсказал идею возрождения должности ата и создания на его основе института атабеков, что явилось воплощением на качественно новой базе старого тюркского учреждения. Инициатива Низам ал-Мулька несомненна, если вспомнить, что именно он считается составителем „Сиасет-намэ“ — книги о правлении, которая стала настольным руководством для многих поколений сельджукских султанов.

Таким образом, сельджукский везир открывает длинный ряд атабеков, известных в истории периода. Применительно к нему термин можно интерпретировать как воспитатель, блюститель государственного порядка. С другой стороны, насколько известно, Низам ал-Мульк — выдающийся представитель персоязычной иранской бюрократии в сельджукском государственном аппарате — составлял исключение среди атабеков, ибо впоследствии на эту должность не назначали везирей или нетюрок. Поэтому правомочен вывод, что первое время после своего возрождения термин означал, как и в эпоху орхонских надписей, не военное, а гражданское лицо, способное воспитать опекаемого принца. Не является ли подобное также свидетельством того, что идея ата-воспитателя все время подспудно жила в тюркоязычной среде после VIII в., не находя практического применения; и только с созданием сельджукской государственности вновь возникла необходимость в этой должности. Так появился атабек в прежнем качестве ата; но вскоре под влиянием условий развитого феодального общества содержание термина изменилось; претерпело метаморфозу начертание самого слова. Ата трансформировался в атабека как по форме, так и по содержанию. Возникнув в качестве реминисценции и сравнительно отвлеченного понятия, термин быстро обрел качественно новое, хотя первоначально и несколько расплывчатое значение.

После кончины в 1092 г. Мелик-шаха и Низам ал-Мулька должность атабека получила широкое распространение среди сельджукских и других мусульманских, а также христианских династий. Это не могло явиться данью моде или стремлением подражать сюзерену; развитие ближневосточного феодального общества привело к созданию и распространению института атабеков. Ряд династий атабеков оказал

⁸ Б. Н. Заходер. Послесловие. См.: Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949, стр. 242.

⁹ M. F. Köprülü. Ata İslam ansiklopedisi. I. Cilt. İstanbul, 1942.

существенное влияние на историю тюрков и ислама.¹⁰ Некоторые из них сыграли также роль в истории феодального общества Ближнего Востока XII в.

Со времени Мелик-шаха каждый сельджукский принц, в том числе кронпринц, получил атабека, с которым не расставался всю жизнь. На протяжении почти всей сельджукской эпохи эта должность, будучи одной из важнейших, оставалась постоянным атрибутом государственного устройства.¹¹ Наряду с другими силами атабеки сыграли значительную роль в расчленении государства великих Сельджукидов.¹² Это положение также верно в отношении султанатов, созданных боковыми ветвями дома Сельджука. Подобное имело место в то время, как атабеки (по идее) должны были способствовать диаметрально противоположному процессу, особенно после возникновения на развалинах сельджукской державы менее крупных государств. Уже атабек великого Сельджукида Бёркийярука (1094—1104) делил власть со своим сюзереном.¹³ Впоследствии такое положение не вызывало удивления и для истории Иракского государства Сельджукидов являлось нормой: династия Ильдегизидов (1136—1225), которые были атабеками кронпринцев и султанов этого государства, оказала большое влияние не только на историю султаната, но также Закавказья и других районов Ближнего Востока.

Первоначально в термине „атабек“ было заложено понятие непосредственного воспитателя члена династии. Таким лицом являлся Низам ал-Мульк; но уже его преемники в этой должности могли претендовать на более скромное положение, и термин стал означать лишь ответственного за воспитание. Ментора из тех, кому поручали теперь пост атабека, не могло получиться. На должность без исключения назначали высокопоставленных, но незнатного происхождения тюркоязычных эмиров из ближайшего окружения султана, которые разве только в области военного искусства и верховой езды могли послужить образцом для подопечных. В огузском эпосе в роли „воспитателя“ выступает знатный военачальник.¹⁴

Назначение на пост атабека скреплялось специальным указом султана; он получал особые отличительные знаки — регалии своей должности: печать и перстень; у него имелись личные хаджибы.¹⁵ Стало

¹⁰ A. Z. V. T o g a n. Umumi Türk tarihine giriş. I. Cilt. En eski devirlerden 16. asra kadar. İstanbul, 1946, s. 192.

¹¹ O. T u r a n. Türkiye Selçuklularî hakkında resmi vesikalar. Ankara, 1958, ss. 16—17.

¹² А. М а с с э. Ислам. Очерк истории. М., 1961, стр. 176.

¹³ Irak ve Horasan Selçuklularî tarihi. İmad ad-din 'al-Katib al-İsfahani'nin al-Bondari tarafından ihtisar edilen „Zubdat al-Nusra ve Nuhbat al-Husra“ adlı kitabının tercümesi. M. Th. Houtsma tarafından 1889 da Leiden'de neşredilen metinden Türkçeye çeviren: Kivameddin Burslan. İstanbul, 1943, s. 85.

¹⁴ Книга моего деда Коркута, стр. 30.

¹⁵ История князей Орбельян. Извлечение из сочинения Стефана Сунийского, армянского писателя XIII в. Перевод с армянского Х. Иоаннесова. М., 1883, стр. 17;

правилом, когда атабек кронпринца или самого султана одновременно являлся владельцем наиболее важной в экономическом и военно-стратегическом отношениях области государства.¹⁶ Постепенно атабеки вошли в силу и оказывали важное влияние на дела государства. В этом плане их возможно сравнить с майордомами франкских королей из династии Меровингов. Глава дворцового управления — майордом — со временем, при так называемых „ленивых“ королях, получил самостоятельность в государственных делах, а затем занял место бывших своих сюзеренов, создав собственную династию. Наиболее значительными и влиятельными династиями атабеков являлись Ильдегизиды Азербайджана (1136—1225), Салгуриды Фарса (1148—1287), Хазараспиды Луристана (1148—1339). Не случайно, что все они возникли ближе к середине XII в.: это был период падения могущества младших ветвей дома Сельджука, которые вместе с эпигонами великих Сельджукидов утратили к сороковым годам XII в. величие и силу. Появились „ленивые“ султаны, а при них — как результат упадка власти венценосцев — энергичные и могущественные атабеки.

Возникновение института атабеков связано также с господством удельной системы, характерной для сельджукского периода: фактически все государства, созданные завоевателями, являлись федеральными образованиями. Получая удел, принц одновременно приобретал эмира-военачальника из тюрок, который должен был следить за его воспитанием, „возмужанием“. Такому „ментору“ присваивали звание атабека; ввиду того что подопечный обычно был малолетним, „воспитатель“ являлся также фактическим правителем удела.¹⁷

Таким образом термин „ата“ возродился в новом качестве вместе с выходом сельджуков на широкую политическую сцену Ближнего Востока. Соотносительно с атабеком сельджукской эпохи ата не имел ни тех званий и должностей, ни тех владений и влияния, ни того могущества и силы, что были приобретены новым „воспитателем“. Ата трудно было представить себя родоначальником династии или узурпатором, обладателем короны сюзерена, всемогущим временщиком или хранителем государственных устоев; во всяком случае такие свидетельства неизвестны. Атабеки же составили ряд династий и чувствовали себя

AN abridged translation of the „History of Tabaristan“ compiled about A. H. 613 by Muhammad ibn al-Hasan ibn Isfandiyyar. Transl. by E. G. Browne. Leyden—London, 1905, p. 254; Chronique de Michel le Syrien. Texte syriaque. Editée par J.-B. Chabot. Paris, 1910, p. 612; O. Turan. Türkiye Selçukluları, s. 16.

Личный хаджиб — важная придворная должность, обладатель которой был близок к сюзерену.

¹⁶ Sadruddin Ebu'l-Hasan Ali ibn Nasir ibn Ali el-Hüseyni. Ahbar üd-Devlet is-Selçukiyye. Tercüme eden: Necati Lügal. Ankara, 1943, s. 89; Chronique de Michel le Syrien, p. 656.

¹⁷ Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958, стр. 152—153; O. Turan. Türkiye Selçukluları, s. 16.

султанами больше, чем подопечные венценосцы или кронпринцы. Качественно новым явилось и то, что хотя термин был известен еще в VIII в., но как институт ата-атабеки оформились лишь во второй половине XI в. Знаменательно, что, в отличие от эпохи орхонских тюрок, среди атабеков сельджукского периода неизвестно ни одного, кто бы принадлежал к правящей династии, т. е. к дому Сельджука. На должность приглашали представителей других тюркских родов, причем, как правило, лиц незнатного происхождения — из числа бывших султанских гулямов, выдвинувшихся благодаря личным способностям и заслугам.¹⁸ Эти вольноотпущенники были обязаны престолу многими приобретенными при дворе благами; они не столбовые, а своего рода личные дворяне, которые обычно не имели прочно установившихся связей с феодалами государства, являя собою прослойку, преданную сюзерену. Правда, так обстояло только на первых порах; с изменением политической ситуации, экономического положения вчерашний гулям норовил стать ровней сюзерену.

Достойна внимания другая закономерность: гражданская администрация сельджукских султанов была, как правило, персоязычной; атабеком назначали только тюркоязычного. Одним из объяснений подобной традиции, которой неукоснительно следовали, может быть следующее: если на должности везира, казначея, судьи, законоведа требовались знавшие персидский и арабский языки грамотные кадры, то атабеком, в отличие от эпохи орхонских тюрок, мог стать и не вполне грамотный. От него требовалось в первую очередь быть родственником по языку, чтобы, наблюдая за воспитанием принца, привить ему „дух“ предков, вложить в него то, что под силу только тюрку по рождению.

Относительно значения термина „атабек“ существуют различные мнения. Возможно, это связано с тем, что его рассматривают с разных точек зрения, в определенных временных рамках или локальных условиях. Источники содержат не вполне идентичные определения термина, но суть сводится к нескольким общим положениям, которые наглядно и емко демонстрируют роль и место атабека в системе феодальной иерархии ближневосточного общества XI—XII вв. В некоторых он именуется воспитателем или атабеком султана, владельцем города (в последнем случае, возможно, в понятие вложено значение „наместник“).¹⁹ Эмир Имад-ад-дин Зенги (1122—1146) назван „атабеком“ великого султана Санджара (1118—1157), хотя „воспитателем“ никогда не был.²⁰ Другие считают, что атабеком называли наместника, и приводят в качестве примера Чауш-бека, который являлся „атабеком Ма-

¹⁸ Tabakat-i-Nasiri. A General History of Muhammadan Dynasties of Asia, A. H. 194—658. By the Maulana Minhaj-ud-din Abu-Umar-i-Uzman. Transl. by H. G. Raverly. London, 1881, p. 168.

¹⁹ История и восхваление венценосцев. Перевод с грузинского, предисловие и примечания К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954, стр. 87; Chronique de Michel le Syrien, pp. 596, 605, 611; Irak ve Horasan Selçukluları, ss. 148, 151, 154.

²⁰ Chronique de Michel le Syrien, pp. 611—612.

суда (будущего иракского султана) в Мосуле“; говорят о существовании должности атабека брата султана.²¹ Третьи полагают атабека опекуном;²² еще одна группа источников упоминает его в качестве „главной опоры государства“ — такой титул носил эмир Ак-Сонкор.²³ В христианском государстве термин „атабек“ стал почетным титулом, который присваивали владельческим феодалам; вместе с тем термин означал здесь наместника, военачальника.²⁴

Исследователи считают атабека опекуном султана или принца,²⁵ наместником центральной власти,²⁶ отцом-князем,²⁷ регентом.²⁸

Многочисленные значения термина „атабек“ свидетельствуют о широком диапазоне, в котором он варьировал в различные периоды. В то же время кажущийся разноречивым не отрицает какого-либо из значений, прилагаемых к атабеку. Современники не путали его с другими чинами придворной иерархии и не воспринимали каждый по-своему. Наоборот, конкретность термина в каждом отдельном случае породила его общее значение. Но исследователи, переосмыслив сведения источников, не всегда сознают, что термин „атабек“ может иметь несколько значений. Каждый из них отобрал среди множества вариаций одну, привязал во времени, иногда и территориально, и считает истинным; естественно, любой из них по-своему прав, если рассматривает атабека не как термин, имеющий общее значение, но в качестве конкретного должностного лица. Правда, при этом тускнеет общий абрис атабека как явления, присущего сельджукской эпохе.

Термин „атабек“ в общем значении синтезировал целый букет понятий. Именно синтезировал, а не просто вобрал в себя как составные части. Его образ — не мозаичная картина, но сплав, многогранный и включающий такие понятия, как ответственный за воспитание, куратор, военачальник, воспитатель военных навыков, наместник. Таков портрет атабека как категории

²¹ Irak ve Horasan Selçuklularî, ss. 120, 126.

²² An abridged translation of the „History of Tabaristan“, pp. 246, 254.

²³ Histoire des Seldjoucides. Extrait du „Tarikhi Gusideh“, ou „Histoire“ choisie d'Hamd-Allah Mustaufi. Trad. par M. Defrémery. Journal Asiatique, t. XII, 1848, 355.

²⁴ История и восхваление венценосцев, стр. 87; История князей Орбельян, стр. 17, 21.

²⁵ В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 580; М. Ф. Кӧпрӱлӱ. Ata; Cl. Cahen. 1) L'évolution de l'iqta du IX-e au XIII-e siècles. Annales, t. 8, N 1, 1953, p. 42; 2) La première pénétration turque en Asie Mineure (seconde moitié de XI-e siècle). Byzantion, t. XVIII, 1948, p. 54; С. Brockelmann. History of the Islamic Peoples. New York, 1947, pp. 173, 180.

²⁶ И. Ю. Крачковский. Усама ибн Мункыз и его воспоминания. См.: Усама ибн Мункыз. Книга назидания. Перевод М. А. Салье. М., 1958, стр. 25.

²⁷ O. Codrington. A Manual of Musulman Numismatics. London, 1904, p. 77.

²⁸ P. Sykes. A History of Persia. Third edition, vol. II. London, 1930, p. 54.

феодалного общества XI—XII вв. В пределах его возможностей было вырастить опекаемого как воина; но грамотного царедворца должен был и мог воспитать кто-то другой, под наблюдением атабека. В силу своей многогранности он отвечал требованиям, к нему предъявляемым, соответствовал им и выполнял возложенные на него сложные и ответственные функции; не случайно, что с исчезновением условий, его возродивших, институт атабеков постепенно сошел со сцены. Иными словами, институт атабеков являлся одним из характерных учреждений сельджукской эпохи, одной из важнейших ее эмблем, только ей присущих и с нею отождествляемых.

Таким образом, со временем термин „атабек“ получил более широкую интерпретацию, чем при своем возрождении, что было связано с ростом значения и важностью этой должности. Подобное могло явиться следствием как ослабления сельджукских династий, так и дальнейшей феодализации ближневосточного общества. К примеру, атабек великого Сельджукида Бёркийарука — эмир Айаз — был главнокомандующим султанской армии.²⁹ При Мухаммаде (1105—1118) атабек Шир-Гир руководил армией, отправленной против исмаилитов Аламута.³⁰ Для времени иракских султанов Масуда и его преемника Мелик-шаха (1152—1153) известно, что эмир Хас-бек ибн Беленджер являлся одновременно „воспитателем“, блюстителем государственного порядка и имел атабекство над войском.³¹ (Последнее могло означать как инспектора армии, так и [военачальника]). В случае с Хас-беком привлекает внимание то обстоятельство, что здесь мы имеем подтверждение тезиса о полисемантической термину: одно лицо отправляет три должности, каждая из которых входит в компетенцию атабека. С другой стороны, приведенные свидетельства показывают, как быстро атабек эволюционировал от первоначального — раннефеодалного — орхонского варианта, потому что эпоха развитого феодализма требовала не повторения, но качественно нового продолжения жизни ата.

Со временем атабеком стали называть за заслуги перед троном; должность превратилась в почетный титул, и диапазон ее приложения еще более расширился; об этом, возможно, свидетельствуют известия об одновременном существовании в государстве нескольких атабеков, из которых только один был связан с процессом воспитания, т. е. с прежним значением термина. Так было, в частности, в Иракском султанате: из трех тюркских эмиров-атабеков только Шамс-ад-дин Ильдегиз имел подопечного принца.³²

Со второй половины XII в. источники упоминают великого атабека (атабек-и азам).³³ Этот же период отмечен другим явлением: за-

²⁹ Irak ve Horasan Selçukluları, s. 91.

³⁰ Histoire des Seldjucides, p. 276.

³¹ Sadruddin, s. 89; Chronique de Michel le Syrien, p. 656.

³² Râhat-üs-Sudûr ve Ayet-üs-Sürur. Yazan Muhammed ibn Ali ibn Süleyman er-Râvendî. I ve II. Cilt. Türkçe'ye çeviren: Ahmed Ateş. Ankara, 1957—1960, s. 263.

³³ История князей Орбелян, стр. 19; Irak ve Horasan Selçukluları, s. 264.

рождается категория атабеков второго порядка; появляется атабек атабека, или его наследника.³⁴ Как правило, атабеком второго порядка также являлись бывшие гулямы, но известны в этой должности и родственники опекаемых. Процесс зарождения новой категории связан преимущественно с именами атабеков Ильдегизидов — Абу-Бекра (1191—1210) и Узбека (1210—1225) — и является одним из этапов эволюции института. При них стала известна плеяда временщиков, усвоивших титул атабека.³⁵ Но атабеки второго порядка не сумели оказать влияния на историю своего времени; важный след, оставленный ими в эволюции института, сводится к следующему: начав, как и их предшественники, с положения дворцовых гулямов, они достигли положения „воспитателей“, стали атабеками атабеков. Когда в 1195/96 г. Абу-Бекр назначил своего брата Узбека правителем Хамадана, при нем появился в роли атабека эмир Джамал-ад-дин Ай-Эбе. Характерно, что одному из атабеков этой категории — Нур-аддину Гокче — приписаны слова: „Власть ушла из дома Сельджука; если власть уйдет и от Ильдегизидов, в этом не будет ничего необычного. Раз я силен в военном отношении, то для меня нет ничего недоступного. Возможно, что тенгри (аллах) приготовил для меня венец“.³⁶ Так, „ленивых“ атабеков первого порядка сменили энергичные атабеки второго порядка. В связи с тем, что уже известно о последней категории, спрашивается резюме: не выступает ли здесь, правда еще в зародыше, новая форма того же феодального института атабеков?

Атабеки достигли такого положения, при котором изменения в статусе должности происходили по их желанию, конечно с учетом велений времени и нужд общества, на службу которому они были призваны. Отклонения же от „оптимального“ режима заканчивались для строптивых атабеков неудачей. Когда в 1160 г. Шамс-ад-дин Ильдегиз возвел на трон Иракского государства Арслан-шаха, отчимом и атабеком которого он являлся, то в благодарность новый сюзерен отдал династии „воспитателей“ основные посты: сам атабек стал главнокомандующим, его сыновья — братья султана по матери — Джахан-Пехлеван и Кызыл-Арслан получили соответственно должности эмир-и хаджиба (первое лицо в дворцовой администрации) и эмир-и силаха (доверенное лицо государя).³⁷ Известно, что Шамс-ад-дин ставил свою подпись рядом с султанской.³⁸ Таким образом, Ильдегизиды оказались у кормила правления одного из сельджуковских султанатов, глава которого был надежно изолирован от внешнего мира и мог сноситься с ним лишь при посредничестве своих

³⁴ Sadruddin, s. 121; Râhat-üs-Sudûr, s. 314, 358.

³⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Перевод с персидского О. И. Смирновой. Том I, книга 2, М. — Л., 1952, стр. 141, 159, 193—194; Râhat-üs-Sudûr, ss. 314, 358, 361, 369—370.

³⁶ Râhat-üs-Sudûr, ss. 369—370.

³⁷ Всеобщая история Вардана Великого. Перевод Н. О. Эмина. М., 1861, стр. 151—152; Râhat-üs-Sudûr, ss. 279, 282—283; Sadruddin, s. 101.

³⁸ Sadruddin, ss. 108—109.

„родственников“. Выступая от имени султана, атабек осуществлял руководство как внутренней, так и внешней политикой, по своему усмотрению производил реорганизацию аппарата управления. Иными словами, присвоение атабеком функций сюзерена касалось всех сторон жизни государства; с 1160 г. начался новый этап в истории института атабеков: они получили возможность управлять государством своих „воспитанников“.³⁹ Остальные феодалы особенно не возражали против такого распределения обязанностей между Ильдегизидами, ибо последние, будучи представителями своего класса, служили ему.

Но когда Кызыл-Арслан, став атабеком Тогрула II, примерил венец султана, то поплатился за этот шаг жизнью.⁴⁰ Узурпатор был убит потому, что сорвал ту эфемерную завесу, которая прикрывала фактическое всевластие Ильдегизидов, и попытался нарушить принцип наследования престола в роду „законных“ его хозяев — Сельджукидов. Эмиры государства могли простить ему своеволие лишь до определенных пределов; преступив черту дозволенного, атабек нарушил молчаливое согласие своего класса на право вершить и распоряжаться судьбой султана, но не самого трона.

Возрожденный при сельджуках как одна из важнейших придворных должностей, атабек, в отличие от других чинов дворцового штата, вскоре покинул стены дворца, чтобы принять активное участие во всех сферах государственной жизни. Возможно, что в этом состояла ошибка султанов, если только следует им инкриминировать позволение атабеку перешагнуть дворцовый порог. Именно они — атабеки — стали полномочными представителями сюзеренов, и последним приходилось довольствоваться лишь громким титулом, а затем превратились в наиболее опасных врагов династии, членов которой должны были (по идее) курировать и „воспитывать“.

Таким образом, призванный, чтобы служить династии и государству, институт атабеков вскоре стал развиваться не столько на пользу, сколько в ущерб султанам. Результаты не замедлили сказаться: если в течение второй половины XI—начала XII в. атабеки являлись верными слугами престола и были зависимы от венценосца, то с середины XII в. процесс эволюции института вышел из-под контроля его создателей. Атабеки превратились в грозную силу и стремились освободиться от любых признаков зависимости; появились династии атабеков с постоянным доменом и подопечными султанами и принцами. Поэтому история

³⁹ Всеобщая история Вардана, стр. 151; Irak ve Horasan Selçukluları, ss. 257, 264, 266; Sadruddin, ss. 104, 108; Histoire des Seldjucides, pp. 364, 368; Recueil des historiens orientaux. Paris, 1872, t. I, p. 589; C. J. F. Dowsett. The „Albanian Chronicle“ of Mxitar Goş. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, vol. XXI, N 3, 1958, pp. 487—489.

⁴⁰ Histoire des Seldjucides, t. XIII, 1849, p. 20; Sadruddin, ss. 126—127; Tabakat-i-Nasiri, pp. 165, 254; Irak ve Horasan Selçukluları, s. 269; Selçuki devleti tarihi. Aksarayî Kerimeddin Mahmud'un „Musamerat-ül-Ahbar ve Müsayeret-ül-Ahyar“ adlı farsça tarihinin tercümesi. Türkçeye çeviren: M. N. Gencosman. Ankara, 1943, s. 123; Histoire de la Géorgie depuis l'Antiquité jusqu'au XIX-e siècle. Trad. par M.-F. Brosset. 1-er partie. St.-Pb., 1849, p. 435.

атабеков составляет этап в развитии государственности, причем не только сельджукского, но почти всего ближневосточного феодального общества. Отсутствие прочной экономической базы, усиление центробежных сил, измельчание султанов, рост экономической самостоятельности владетельных феодалов, изменение политической ситуации на Ближнем Востоке, неустойчивость внутригосударственной жизни, неудачи в борьбе с политическими противниками — все это послужило питательной средой для дальнейшего развития и быстрой эволюции института атабеков. В поисках опоры и защиты против потрясений и неустойчивости султаны должны были срочно поручить кому-то вопросы, связанные с безопасностью династии. Наиболее близкими к трону оказались „воспитатели“. В этом одна из причин, объясняющих, почему атабеки сумели достичь высокого положения, сконцентрировать в своих руках большие возможности и влиять на ход политической жизни как внутри, так и за пределами государства, порученного их попечению.

Если ата как система развивался в условиях раннефеодального общества орхонских тюрков и неизвестно, оказал ли влияние на соседей, то с институтом атабеков обстоит иначе. Насколько своевременным и необходимым было его возрождение, свидетельствует не только широкое распространение института в мусульманских владениях Ближнего Востока, где он удачно „вписался“ и органически вошел в феодальную структуру, но также проникновение идеи атабекства в христианские государства. Так случилось, в частности, при царице Тамаре (1184—1213) в Грузии, где атабек был включен в придворную номенклатуру, а затем перешагнул дворцовый порог и принял активное участие в различных политических и военных событиях. По „табели о рангах“ его приравнивали к эмиру эмиров, мусульманскому титулу, принятому в обиходе грузинского феодального общества. Звание атабека почитали здесь за „султанскую должность, (которая) подразумевает отца и воспитателя царей и султанов“; его жаловали военачальникам и владетельным феодалам; в конце XII в. в Грузии появилась должность „атабека (т. е. наместника) Армении и Иверии“.⁴¹ Исходя из контекста источников, можно заключить, что и в Грузинском царстве атабек имел какое-то отношение к процессу воспитания членов династии Багратидов. Существует мнение, которое верно отражает реалии того времени, что термин „атабек“ заимствован грузинскими царями из соседнего Азербайджана.⁴² Это тем более вероятно, что во второй половине XII в. существовали дружеские, добрососедские и родственные взаимоотношения между Грузией и Ширваном, той частью Азербайджана, которая граничила с этим христианским государством.⁴³

⁴¹ В. Дондуа. Бабили. Историк царицы Тамары. Сб. „Памятники эпохи Руставели“, Л., 1938, стр. 74; История и восхваление венценосцев, стр. 87; История князей Орбелян, стр. 17, 21; Histoire de la Géorgie, p. 456, 475.

⁴² Cf. Саһен. Atabeg.

⁴³ В. В. Бартольд. Краткий обзор истории Азербайджана. Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 779; А. А. Али-заде. От ответственного редактора. См.: В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963, стр. 8—

С именем Ильдегизидов связан ряд важнейших этапов в эволюции института атабеков; в частности, третий представитель династии Кызыл-Арслан (1186—1191), добившись решающего влияния и самостоятельности в управлении Иракским султанатом подопечных Сельджукидов, предпринял действия, знаменовавшие новое в развитии института. Уже при Шамс-ад-дине Ильдегизиде функции сюзерена были узурпированы и султан являлся ширмой, прикрываясь которой атабек управлял государством. Но Кызыл-Арслан пошел дальше: не довольствуясь неофициальным положением фактического государя, он низложил в 1191 г. Тогрула II и провозгласил султаном себя. Халиф ан-Насир как религиозный глава мусульманского мира поддержал его, то же сделали соседние государи, приславшие традиционные поздравления и подарки.⁴⁴ Таким образом, узурпация прерогатив, начало которой положил первый представитель династии Ильдегизидов, завершилась качественным скачком: атабек провозгласил себя сюзереном. Эволюция института привела к попытке трансформировать династию атабеков в султанскую.

О росте влияния и значения атабеков в ближневосточных делах свидетельствуют многие события XII в. В этом плане очень интересны их взаимоотношения с халифами Аббасидами. После выхода сельджуков на ближневосточную политическую сцену одной из немаловажных в их внешнеполитических сношениях стала линия „султан—халиф“, что имело далеко идущие последствия. Отголоски этих взаимоотношений, в которых ведущая роль принадлежала султанам, можно отметить в Средней Азии и Северной Африке, на Аравийском полуострове. После распада в 1157 г. государства великих Сельджукидов их место в системе „султан—халиф“ сумели занять правители Иракского султаната; халифы, помимо своей воли, были вынуждены согласиться на столь неравноценную замену. А возможности и права подобного альянса являлись выгодными, в первую очередь для султанов: они вместе с халифом давали инвестицию наиболее значительным, владельческим феодалам, осуществляли коллективные санкции против строптивых, единым фронтом выступали против иноземных пришельцев с запада. С другой стороны, своим участием в системе „султан—халиф“ повелитель правоверных освящал религиозным авторитетом деятельность сельджуков и их предводителей, что имело большое значение в глазах верующих. Зная все это, нетрудно оценить, что значил союз светского и религиозного глав ближневосточного мусульманского мира, какие возможности он предоставлял его участнику.

С 1160 г., после установления в Иракском султанате господства Ильдегизидов, произошла очередная и последняя замена одного из членов в формуле „султан—халиф“, которая приняла теперь вид „атабек—халиф“; естественно, что узурпация ключевых позиций султана не могла

12; К. И. Чайкин. Из грузинско-иранских связей. Сб. „Руставели“, Тбилиси, 1938, стр. 22; Ф. Д. Жордания. Хроника абхазских царей. Тбилиси (1903), стр. 10; В. Ф. Минорский. История Ширвана, стр. 180—186; V. Minor sky. A History of Sharvan and Darband in the 10-th—11-th centuries. Cambridge, 1958, pp. 136, 140.

⁴⁴ Râhat-üs-Sudûr, s. 327.

не коснуться области его взаимоотношений с халифом. И с этого года светского партнера имама правоверных представлял вчерашний гулям Шамс-ад-дин Ильдегиз. Альянс с повелителем верующих являлся одним из каналов, по которым всемогущие атабеки оказывали влияние на ближневосточные дела, причем, прикрываясь именем не только султана, но также — что было не менее важно — халифа, оказалось возможным еще более расширить сферу приложения своим способностям. Иными словами, атабеки Ильдегизиды превратились в светских руководителей той части мусульманского мира, где признавали Аббасидов и Сельджукидов.

Наиболее активно и действенно использовал возможности этого союза Ильдегизид Джухан-Пехлеван, который старался нейтрализовать халифа и навязать ему свою волю. К подобному заключению приводят как его деятельность, так и приписанные этому атабеку слова: „Халифу наиболее приличествует заниматься хутбой и религиозными делами; он должен поручить султану (атабеку, — *Р. Г.*) светские дела и вопросы управления государством“.⁴⁵ Судя по всему, что известно, халифы были принуждены считаться с Ильдегизидами, понимая, что действительная власть в Иракском султанате, как и за его пределами, принадлежит атабекам. Не случайно, когда Кызыл-Арслан открыто узурпировал власть сюзерена, халиф ан-Насир не произнес проклятия на род Ильдегизидов, но признал его султаном.⁴⁶ Поэтому закономерно, когда в сочинении, посвященном Аббасидам и Сельджукидам, имеется специальная глава об атабеке Шамс-ад-дине Ильдегизе. Автор, возможно, хотел этим подчеркнуть не только значение Ильдегизидов, но и показать, что они являлись ровней и султанам, и халифам.⁴⁷

То, что ныне известно относительно института атабеков, позволяет еще раз повторить наш тезис о полисемантической и синтетичном характере, а также об общем значении термина „атабек“. Вместе с тем имеется возможность говорить о нескольких категориях „воспитателей“.

Первая — атабек (ответственный за воспитание) кронпринца.

Вторая — атабек (ответственный за воспитание) члена правящей династии.

Третья — атабек султана; в отличие от первых двух — это качественно новая фаза в эволюции института. Если предыдущие означали „воспитателя“, то третья категория предстает в образе эмира, никак не связанного с воспитательным процессом. Атабека султана можно назвать переходной категорией на пути превращения должности атабека в титул, не связанный с конкретной службой. Этим трем категориям присуще общее, объединяющее их „по происхождению“: они появились при дворе; наиболее яркий пример — история династии атабеков Ильдегизидов (1136—1225).

⁴⁵ Râhat-üs-Sudûr, s. 309.

⁴⁶ Râhat-üs-Sudûr, s. 327.

⁴⁷ Anadolu Selçukluları devleti tarihi. III. Cilt. Histoire des Seldjokides d'Asie Mineure, par une Anonyme. Farsçadan tercüme eden: F. N. Uzluç. Ankara, 1952, s. 19 et suiv.

Четвертая — эмиры, военачальники, которые получали звание атабека в качестве титула, а не должности — за заслуги перед династией и государством. Они никогда не имели „воспитанников“; в этом случае термин означает не придворный чин, а звание, полученное за личные заслуги. К четвертой категории можно отнести владетельных атабеков Дамаска — Буридов (1104—1155); Зенгидов — атабеков Мосула (1122—1262), Сирии (1146—1184), Синджара (1170—1221), Джазиры (1180—1251); Бектегинидов — атабеков ряда ближневосточных областей с центром в Иrbиле (1144—1233). Эти династии являют собою пример атабеков определенной территории.

Пятая — бывшие гулямы, ответственные за воспитание детей атабеков. Их можно назвать атабеками второго порядка: атабек атабека или его наследника.

Шестая — бывшие гулямы, ставшие наместниками атабеков 1-го порядка. Эти две категории атабеков 2-го порядка хорошо известны только из истории династии атабеков Ильдегизидов (конец XII—начало XIII в.).

Все шесть категорий можно найти в истории Иракского султаната Сельджукидов и среди тесно связанных с ними атабеков Ильдегизидов и выделить в наиболее „чистом“ виде.⁴⁸

Ильдегизиды в течение нескольких десятилетий передавали в своем роду должность и титул атабека, которые пережили ряд метаморфоз. Иракские султаны при них довольствовались громким званием государей и почетом. В этом своеобразном дуэте Сельджукидов и Ильдегизидов наиболее полно проявились взаимоотношения султанов и атабеков, механизм института, силы, на которые опирался „воспитатель“. Не менее замечательно, что среди известных династий атабеков только Ильдегизиды достигли высокого положения в государстве своих „воспитанников“ и сумели оказать длительное влияние на историю. В этом отношении судьба Ильдегизидов как атабеков уникальна; не случайно, что именно в тесной связи с ними и Иракским султанатом находится многоплановая эволюция института атабеков. Деятельность наиболее устойчивой плеяды „воспитателей“ — Шамс-ад-дина Ильдегиза, Джахан-Пехлевана, Кызы-Арслана, Абу-Бекра и Узбека — позволяет проследить появление, расцвет и упадок династии атабеков, история которой, разделенная на узловые периоды, показывает этапы развития института, его качественные изменения. Ильдегизиды были первой и, насколько известно, единственной династией атабеков, наследовавших один другому не столько ради обладания территорией, сколько для сохранения в своем роду „права“ управлять государством своих „воспитанников“. Это была плеяда наследственных временщиков-майордомов. Интересно отметить, что если Шамс-ад-дин Ильдегиз был назначен атабеком, то его преемники передавали должность в своем роду без какой-либо санкции или указа султана. С другой стороны, если Шамс-ад-дин

⁴⁸ Rāhat-ūs-Sudūr, ss. 231, 263; Sadrud-din, ss. 68—69; Irak ve Horasan Selçuk-luları, ss. 120, 126, 148, 151, 154, 171, 174.

был назначен атабеком наследника, то его преемники с момента прихода к власти являлись атабеками султанов.

Институт атабеков, вызванный к жизни сельджуками, пережил как политическое явление тех, кто возродил его, способствовал росту его значения и влияния на обширной территории. В связи с этим интересно заметить, что если последний султан Сельджукид исчез из истории в 1307 г. (им был номинальный глава эфемерного малоазиатского Иконийского султаната Гийас-ад-дин Масуд III), то еще много лет спустя продолжали существовать некоторые династии атабеков. Среди них наиболее разительна судьба Хазараспидов: главная ветвь в Луристане просуществовала с середины XII в. до первой половины XV в.; младшая ветвь этих атабеков — в Малом Луристане — продержалась еще полстолетия и была пресечена Сефевидами в начале XVI в.

Таким образом, эволюция института атабеков знает несколько этапов. Эти метаморфозы удается проследить на конкретном материале; в целом выводы не могут вызвать возражений. Гораздо труднее поставить точку в вопросе о сущности термина, конкретизировать его каким-то одним, всеобъемлющим словом, которое могло бы служить определением общего значения столь сложного понятия, каким предстает атабек. Скорее всего это невозможно в силу сложности и полисемантической образа, постепенно обраставшего по мере его эволюции новыми функциями; собственно возрождение должности уже отмечено полисемантизмом. Отсюда проистекают те трудности, которые допускают определить атабека лишь как многоцелевой образ; основное значение для определенного этапа эволюции известно, но в то же время имеется возможность интерпретировать его в довольно широком диапазоне и установить общее значение термина. Одно четко и ясно предстает нашему взору: наряду с везиром атабек являлся наиболее доверенным лицом в государстве, ибо ему было поручено „формирование“ крон-принца, ему вручено было будущее династии.

Таким образом, эволюция ата орхонских тюрок раннефеодального периода привела во второй половине XI в. — при сельджуках — к появлению института атабеков, который получил большое развитие. В течение следующего, XII столетия он прочно вошел в иерархическую систему развитого феодального общества Ближнего Востока. В том же веке атабек первого порядка превращается в полисемантический образ многоцелевого назначения, о котором можно сказать, что, возрожденный в качестве социальной категории, он вскоре стал социально-политическим понятием — в пору своего наивысшего расцвета, с чем связано его оформление в виде одного из государственных институтов. Вырождение этих атабеков к концу XII в. послужило толчком к новым изменениям в институте: появился атабек второго порядка; это скорее категория политического характера. То есть институт атабеков развивался вместе с эволюцией общества, которое он призван был обслуживать; приспособлялся к изменявшимся условиям, усваивая то, что могло помочь ему в выполнении возложенной на него миссии.

Ф. Энгельс говорит относительно государства, что оно развивалось, „частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их путем внедрения новых органов и, в конце концов, полностью заменив их настоящими органами государственной власти“.⁴⁹ Эволюция ата-атабека происходила примерно по той же схеме, пока институт атабеков не превратился в одно из важнейших государственных учреждений сельджукского периода, вобравшего в себя кое-что от родового строя, частью преобразовав воспринятое или вытеснив за счет новых приобретений под влиянием новых условий существования и внешнего воздействия.

Если исходить из формулировки Ф. Энгельса, предложенной для характеристики развития государства, то институт атабеков предстает как учреждение, прошедшее три этапа: зарождение института — период „социальный“ (вторая половина XI в.; территория государства великих Сельджукидов); его возвышение, влияние на политические дела за пределами XIII в.; территория сельджукских султанатов, эмиратов, наместничеств Грузии); увядание и падение института, появление атабеков второго порядка — период „политический“ (конец XII—первая четверть XIII в.; территория Азербайджана — локальное явление). В связи с этим находится метаморфоза термина „атабек“, возрожденного в качестве должности и затем трансформировавшегося в должность-титул, а на конечном этапе — в почетный титул, не связанный с конкретной должностью или службой.

Институт атабеков являлся учреждением, характерным для Ближнего Востока сельджукского периода; ни до этого времени, ни после него он не фигурировал в иерархической структуре феодального общества.

Rauf A. Guseynov

L'INSTITUTION SOCIALE DES ATABEKS

Du temps de les sultans Seldjoukides est régénéré l'institution sociale des atabeks (ata des Turks Orkhons) qui pendant la seconde partie du XI-e et au XII-e siècle est repandu largement au Proche-Orient. Plusieurs catégories des atabeks ont été connu:

Responsables de l'éducation de l'héritier de la couronne.

Responsables de l'éducation du prince.

Les atabeks du sultans.

Les émirs qui ont eu le titre honorable de l'atabek pour leurs mérites.

L'atabek de l'atabek.

Le représentant de l'atabek.

L'institution sociale des atabeks avait exercée une influence considerable sur la vie sociale et politique des Etats musulmans et chrétiens.

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 109.